

39. Там же. – Л. 22. об.
40. Там же.
41. Там же. – Л. 23.
42. Там же. – Л. 13, 16.
43. Там же. – Л. 23; Журнал заседаний Городской Думы за 1903 год. – С. 317.
44. ГАЯО. – Ф. 572. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 16.
45. Там же.
46. Журнал заседаний Городской Думы за 1907 год. – С. 239.
47. Там же. – С. 238.
48. Журнал заседаний Городской Думы за 1908 год. – С. 65.
49. Там же. – С. 66.
50. Там же. – С. 67.
51. Там же. – С. 66.
52. Там же. – С. 67.
53. Там же.
54. ГАЯО. – Ф. 572. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 13 об.
55. Там же. – Л. 14.
56. Там же. – Л. 28; Журнал заседаний Городской Думы за 1910 год. – С. 310.
57. ГАЯО. – Ф. 572. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 63.
58. Там же. – Д. 19. – Л. 29.
59. Там же. – Д. 17. – Л. 5.
60. Там же. – Д. 1. – Л. 32.
61. Там же. – Д. 61. – Л. 35.
62. Там же. – Л. 36.
63. Там же. – Д. 1. – Л. 35.
64. Там же. – Д. 61. – Л. 35.
65. Там же. – Д. 1. – Л. 42.
66. Там же.
67. Там же.
68. Там же. – Д. 1. – Л. 35-36.
69. Там же. – Д. 48. – Л. 54.
70. Журнал заседаний Городской Думы за I половину 1916 года. – С. 100-101.

Н.А. Миронова

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЯРОСЛАВЛЯ В 1918 г.

В 1918 г. медицинские работники и врачи Ярославля контролировали санитарно-эпидемическую ситуацию в городе. После мятежа 1918 года город перенес эпидемию холеры (умерло около 190 человек), оспы, испанской болезни и сифилиса. Ситуация осложнялась проблемами ассенизации и существованием выгребных ям на территории пожарниц. Зимой 1918 ситуация была опасной из-за недостатка продовольствия и плохих условий жизни.

N.A. Mironova

SANITARY AND EPIDEMIC CONDITION OF YAROSLAVL IN 1918

In 1918 medical health service, experts and doctors of Yaroslavl took the medical situation in the city under control. After the revolt of 1918 the city went through the epidemic of cholera (about 190 died), smallpox, "Spanish disease" and syphilis. The epidemic problem was complicated by the sewage disposal problems and plenty of cesspool on the sites of a fire. In the winter of 1918 the situation in the city was dangerous because of the obstacles of provision and of living accommodation.

Среди факторов, влияющих на повседневную жизнь города, большое значение имеет его санитарно-эпидемическое состояние.

1918 год – тяжелейший год в истории Ярославля, во многом из-за множества зараз-

ных заболеваний, которые свирепствовали в городе после революционных событий 1917 г. и июльского мятежа 1918 г. Описание заболеваний ярославцев в 1918 г., их причин, а также деятельности медицинских сотрудников

по устранению этих заболеваний является целью настоящей статьи.

В то время как у Б. Савинкова и его ярославских сторонников зрели замыслы восстановления, ярославские врачи готовились встретить весенне-летние инфекции, планомерно делая все возможное, чтобы вовремя их отследить и ликвидировать очаги заболеваний.

Весной 1918 года пришла холера. Уже с начала апреля врач А.Е. Анциферова исследовала воду в Волге и Которосли (около фабрики Корзинкиных), наблюдала за городским водопроводом (воду брали около заборного ковша), отмечая присутствие в воде холерных вибрионов. На 4-6 июля 1918 г. был назначен «холерный съезд», который планировалось провести в Костроме (ярославские медики тоже собирались там присутствовать, им были выделены деньги для проживания и размещения в гостиницах). В конце июня было решено провести малый совет для обсуждения противохолерных мероприятий.

Медики ждали помощи из центра (из Москвы) в виде пополнения дезинфекционных материалов: формалина, кристаллической и черной карболки, соды и других медикаментов – всего того, что помогло бы предотвратить распространение холеры. В Москве была запрошена негашеная известь, чтобы засыпать ею тела умерших от холеры. Уже в июне врачи начали делать прививки, вводя антихолерную вакцину. Вакцинирование носило добровольный характер, и потому медики пропагандировали вакцинацию с помощью плакатов и лекций [2].

Помощь из центра запаздывала, а эпидемия распространялась. Врачи решили за недостатком собственных средств просить помощи у Красного Креста, который прислал два экипированных эпидемических отряда (под отрядом понималась небольшая лаборатория, снабженная всем необходимым для помощи больным).

Первый отряд поступил в ведение Земского отдела Губернского Исполнительного комитета уже 24 мая, руководил им доктор Г.М. Хайцис. Один было решено послать в Рыбинск, другой оставить в Ярославле, половина Ярославского отряда работала в Ростове. Эти отряды должны были выделять по мере надобности «летучки». В качестве персонала для работы в таких отрядах направлялись фельдшеры, акушерки, специалисты по при-

вивкам от оспы и просто замужние женщины, имевшие опыт в медицине [3]. В Рыбинске, помимо отряда, существовала химико-бактериологическая лаборатория (располагалась в доме Зимина, на углу Крестовой улицы и Вознесенского переулка).

События июля 1918 г. в Ярославле нарушили весь ход мирной жизни, помешали врачам вести планомерную работу по предупреждению заболеваний. Контроль над распространением холеры был утрачен.

На графике, основанном на сведениях городского санитарного врача И.В. Александровского [4], видно, что пик холерной эпидемии приходится на август 1918 г., когда ежедневно заболевало 5-20 человек.

Эпидемия началась внезапно: если 29 июля было выявлено только 28 больных, то уже 5 августа – 267, 13 августа – 440, 16 августа – 546. Число больных продолжало расти (см. график).

Именно в начале августа от холеры умирало наибольшее количество людей – 3-5 человека в день. Не хватало медикаментов и оборудования. 9 августа открылись дополнительные холерные бараки на 80-90 человек, которые сразу были переполнены (в них разместили 130 человек) [5].

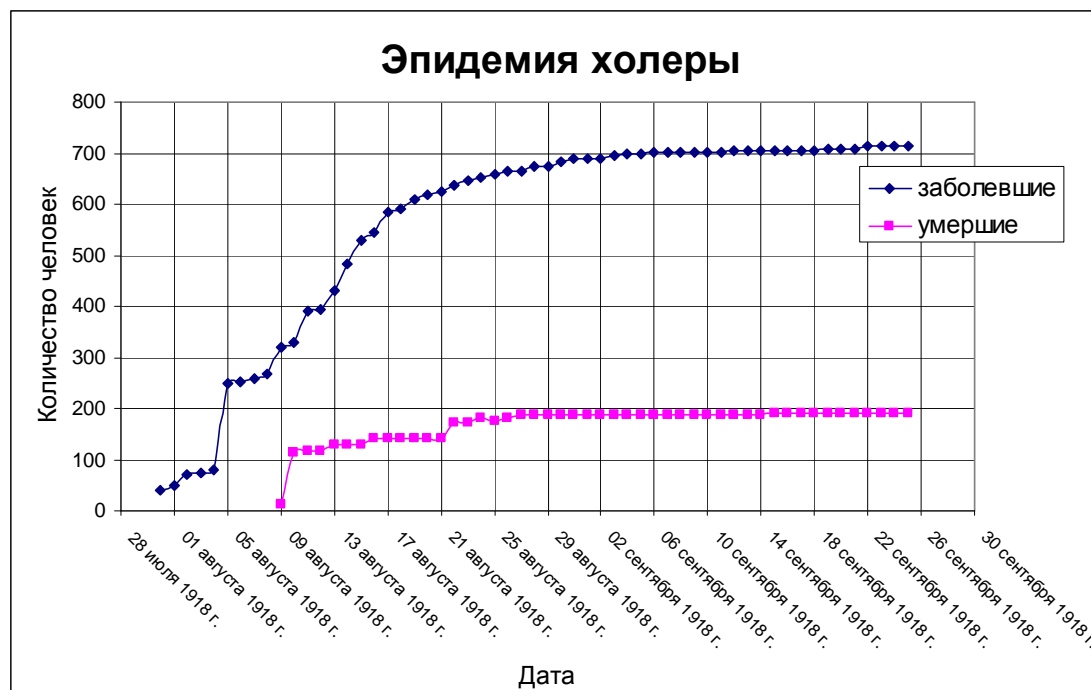
Ощущалась страшная нехватка медицинских работников, и потому в начале августа было решено «в виду недостатка персонала, обслуживающего холерных больных в открытых уже холерных бараках, увеличить таковой в спешном порядке, согласно постановлению от 1 августа, утвержденному членом коллегии Троицким, до 4 фельдшеров, 8 сестринского и 24 младшего служительского персонала» [6].

Могильщики отказывались хоронить трупы из городской больницы: деньги на оплату выделяли несвоевременно, а в день привозили 5-7 тел. В штат даже был нанят специальный могильщик с зарплатой 10 рублей в день за умершего, при этом ему выделили лошадь с извозчиком [7].

Приведенная диаграмма показывает, что врачам удалось стабилизировать заболеваемость холерой и смертность уже к концу августа. За время эпидемии было выявлено 705 больных; умерших от холеры насчитывалось 190 человек. Есть основания полагать, что эта цифра, взятая из официального источника (сведения И.В. Александровского),

близка к реальной, так как 1 августа вышло постановление комиссара внутренних дел, по которому «все состоящие на государственной службе в каком-либо ведомстве и вольно практикующие врачи обязаны извещать мест-

ный медико-санитарный отдел совдепа о каждом поступающем к ним на пользование случае заболевания». Если врач не сделал этого в течение 24 часов, он наказывался штрафом до 1000 рублей [8].

Скученность людей стала одной из причин распространения «испанки» и сыпного тифа в октябре 1918, лишь только отошла холера.

«Испанская болезнь» осенью 1918 г. бушевала не только в Ярославле, но также и в Пошехонском, Любимском, Даниловском, Рыбинском уездах. В Ярославле в октябре 1918 г. «испанкой» (как правило, тяжелыми формами) заболело около 10 человек в день, а возможно, и больше [9]. Декабрь принес натуральную оспу и сыпной тиф, особенно быстро распространявшиеся в приютах, военных лазаретах, тюрьмах и других местах скопления народа. Сыпной тиф свирепствовал в отделении для душевнобольных.

При сложившихся обстоятельствах, когда в городе начиналась эпидемия «испанки» и сыпного тифа, в Ярославле не забывали и о лечении военнопленных. 200 коек решили передать в ведение патроната военнопленных, выделить для больных белья на 2 смены [10]. Для военнопленных были устроены питательные пункты на ул. Духовской в доме № 41 на 150 человек и на Всполье, где пред-

полагалось выдавать около 2000 порций горячего обеда и хлеба (каждый военнопленный получал около полфунта хлеба) [11]. В доме № 42 по ул. Духовской располагалась также амбулатория для пленных и беженцев. Из склада губернской коллегии «пленбеж» было отпущено 200 предметов одежды, которые отослали в Рыбинск. Около 100 предметов отослали в Ростов. Для Ярославля оставалось чуть менее 300 комплектов одежды (куртки, брюки, сапоги).

Зимой 1918 г. участились заболевания сифилисом. Для сифилитиков было решено открыть специальные лаборатории в Ярославле и в Рыбинске, штат которых должен был состоять из двух врачей, четырех фельдшеров и служителей при них. Жалование персонала в отделении для сифилитиков составляло более значимую сумму, чем жалование других врачей-эпидемиологов, — около 24 000 рублей в год [12]. В Ярославле насчитывалось 105 коек для сифилитиков, помимо этого, существовали отделения в Ростове и Рыбинске. Вместе в трех городах насчитывалось 220 коек. Лечение было бесплатным и

экстерриториальным. Ярославские эпидемиологи взяли под контроль места вероятного заражения (бани, столовые, вокзалы и т.д.), проводили лекции и беседы, направленные на распространение медико-гигиенических знаний по сифилису [12].

Эпидемия оспы захлестнула Рыбинск, где болезнью были поражены целые кварталы. Там принимались срочные меры по оборудованию оспенных больниц, квартир-изоляторов. Смертность от оспы была чрезвычайно высока. Эпидемия началась в ноябре 1918 г., и за всю зиму врачам не удалось переломить ее ход. Весной 1919 г. в городе, только по официальным данным, болело 1013 человек, еще 182 – в ближайшей округе. Уже зимой умерло 47 человек, чуть позже – еще 30 человек. Встречалась в основном следующие формы оспы: сливная оспа (смертность 60%), натуральная оспа и вариолоид (смертность незначительна). Окраины Рыбинска были поражены сыпным тифом [13].

Ситуацию в Рыбинске осложняло отсутствие самых простых средств дезинфекции, даже мыла. Кроме того, медицинские работники сами постоянно заражались от больных: за время эпидемии оспой заболело 6 фельдшеров (причем один умер), 19 сиделок, 6 сестер милосердия, 4 санитаров, 2 служащих при больнице.

21-й госпиталь долго не мог перебраться в предназначенное место: видимо, до последнего момента медицинские работники и городские власти считали, что на время эпидемии будет достаточно старых оспенных барачков, которые находились на Собачьей площади и были «в буквальном смысле дырявые, настолько они ветхи» [13]. Зимой стало очевидно, что размещать больных негде. Необходимо был переезд, но здание предполагаемого госпиталя находилось совершенно в ужасном состоянии: водопровод и канализационные трубы замерзли, клозеты были забиты ватой, вся арматура была разворована, водопроводный счетчик был разбит, электрический украден, и вообще, «стояла невероятная грязь» [13]. За помощью в наведении порядка вновь обратились к Красному Кресту. Только к концу февраля открылся большой (на 200 коек) заразный госпиталь и практически сразу заполнился сыпнотифозными.

Как известно, после событий июля 1918 г. Ярославль был разрушен. Ситуация с

жильем, отоплением и продовольствием значительно обострилась. Осенью обострились заразные заболевания. Однако ничто так не пугало ярославских медиков в сентябре-октябре 1918 г., как одна проблема, которая действительно очень серьезно угрожала санитарному состоянию города. Заключалась она в том, что на месте пожарищ осталось огромное количество выгребных ям.

«Открытые зияющие выгребные и помойные ямы с твердыми и жидкими нечистотами, количество которых, по подсчету Управления работами по восстановлению Ярославля, достигает 2000000 ведер, являются вполне реальной угрозой санитарному благополучию всего оставшегося населения. Эти ямы особенно будут опасны весной и летом, именно тем, что будут привлекать к себе разносителей заразы – мух и прочих насекомых», – отмечал доктор З.П. Соловьев на заседании медколлегии по санитарно-эпидемиологической секции [14]. Проблемы ассенизации постоянно обсуждались на заседаниях медицинских коллегий санитарно-эпидемиологической секции. Заместитель наркома здравоохранения З.П. Соловьев и А.И. Журавлев, присланный наркомом здравоохранения, сами осматривали пожарище, думая, что можно сделать. К счастью, осень 1918 г. была очень теплой, однако врачи понимали, что времени у них нет. Через Ярославль собирались провозить большие партии заключенных и военнопленных. Это грозило дополнительными санитарными проблемами.

А.И. Журавлев, обойдя пожарище, осмотрев выгребные ямы и отхожие места, заявил, что состояние их различно в зависимости от уровня почвенных вод и всасывания грунта. Кое-где часть жидких отходов всосалась в почву. «Зато в районах с высоким стоянием и непроницаемой почвой к содержимому ям прибавились дождевые воды, местами наполнившие также и ямы погребов» [15]. В городе существовал так называемый ассенизационный обоз, но он совершенно не справлялся со своей задачей. Часть фуража обоза была украдена, и А.И. Журавлев опасался, что «за отсутствием фуража обоз находится в положении, угрожающем полной приостановкой» [15].

Комиссия по восстановлению Ярославля запросила в центре средства для проведения ассенизации, хотя бы 1200000 рублей. Но проблема заключалась не только в финансо-

вых средствах: не было рабочей силы и времени. А.И. Журавлев подчеркивал, что единственный выход – засыпать ямы негашеной известью, хотя «нет полной гарантии, что часть отбросов не сделается достоянием в дальнейшем почвенных вод» [15]. Проанализировав ситуацию, врачи решили действовать быстро и выработали «биологический способ» ассенизации, заключающийся в том, что нечистоты разливали на участки с огородной или иной культурой. Доктор И.В. Александровский и архитектор по восстановлению Ярославля А.И. Заозерский подсчитали, что для удобрения 25 десятин подойдет слой нечистот высотой около 4-х вершков. Огороды предполагалось разбить в разных местах.

На совещаниях идеи А.И. Журавлева были поддержаны заведующим губернским медико-санитарным отделом Н.П. Сливиным, уездным врачом Е. Курочкиным, санитарным врачом П.Н. Новиковым, правда, многие предупреждали о возможном распространении зловония, которое будет беспокоить окружающих [16]. Было принято решение подойти к проблеме комплексно: продолжать, в силу возможностей обозначенных, вывоз нечистот с перегревших мест на свалки, засыпать ямы известью (необходимо было срочно раздобыть ее) и начать распашку участков. Все это планировалось сделать до наступления зимы.

Возник вопрос: кто должен был этим заниматься? Предполагалось привлечь местное население. Однако многие из местных отказывались участвовать в решении проблем ассенизации, так как готовились к зиме, пытались хоть как-то благоустроить свой быт, заготовить дрова и т.д. Время шло, но дело не двигалось.

Через неделю, в конце октября, стало очевидно, что помощи не будет. Врачи вновь собрались и попытались определить меры для предупреждения новой эпидемии. А.И. Журавлев предложил рыть канавки, чтобы не происходило заболачивание выгребных ям. С.П. Масленников, представитель отдела местного народного хозяйства, утверждал, что если ямы с нечистотами останутся открытыми на зиму, то они промерзнут настолько глубоко, что «самостоятельное оттаивание таких ям возможно лишь в июне месяце» [17]. П.С. Новиков напомнил о восьми сотнях холерных больных, которые принесло лето 1918 г., и справедливо опасался нового воз-

никновения холеры. Медики боялись заражения грунтовых вод, вызова большого зловония для окружающих мест и появления весной насекомых-переносчиков заболеваний.

Последний шанс провести ассенизацию, хотя бы частичную, был связан с привлечением новой рабочей силы: с 11 ноября на расчистку выгребных ям было отправлено 100 человек из местной тюрьмы [17]. Они работали до наступления морозов и в значительной мере справились с задачей.

Помимо проблемы выгребных ям осенью 1918 г. остро встала проблема канализации в Ярославле. Существовавшая к тому времени канализационная система имела двадцатилетнюю давность. Во время пожара и разрушений лета 1918 г. она была значительно повреждена. И.В. Александровский требовал ускорить налаживание канализации хотя бы для больниц, школ и крупных общественных учреждений [18]. Все понимали необходимость скорейшего решения этой проблемы, но останавливало одно: с помещениями для больниц тоже возникли трудности. Эпидемия холеры к осени 1918 г. пошла на спад, но в городе возникали новые очаги заразных болезней: «испанской болезни», сыпного и брюшного тифа, оспы, дифтерита, крупы и скарлатины. Требовалось огромное количество барачных или иных помещений. Те здания, которые были предоставлены для размещения больных, быстро заполнялись.

Врачи неоднократно предупреждали об опасности скученности населения в городе: к зиме жилищный вопрос встал как никогда остро. Больные не хотели покидать больницы: многим некуда было идти – и, несмотря на неоднократные ревизии, люди пытались задержаться там, где их хоть как-то кормили и где можно было выжить [19]. Проведя ревизию ярославских больниц, М. Кедров дал наставление врачам: «Больные должны твердо знать, что больница – не ночлежный дом» [19]. Медики опасались тяжелых последствий скученности людей в помещениях в санитарно-эпидемическом отношении. К сожалению, их опасения оправдались.

Уже октябрь 1918 г. принес тяжелую форму «испанской болезни». П.С. Новиков вновь предложил обратиться за помощью к Красному Кресту, запросить, по крайней мере, медикаментов [20]. Н.Н. Курочкин, который помнил чудовищные масштабы эпиде-

мии «испанской болезни» в Петербурге и Москве в 1889-1890 гг., утверждал, что «борьба медицинскими мерами с испанской болезнью едва ли будет продуктивна в виду сильной заразительности и быстроты ее распространения» [20].

Заметим, что делегаты из центра, приезжавшие в Ярославль, выдвигали идеи «города-сада». Например, представитель наркома здравоохранения Иваницкий, присутствовавший однажды на заседании, много говорил о срочном восстановлении города – «одного из величайших культурных памятников» [21]. Ярославские врачи, летом и осенью непрерывно борющиеся с эпидемией, весьма скептически воспринимали его идеи. «Нужды населения, – возражали они, – потрясенного июльскими событиями, изголодавшегося, тонущего в собственных нечистотах, скученного до крайнего предела в неотапливаемых, открытых всем атмосферным влияниям помещениях (за недостатком стекол и топлива и невозможности произвести самый насущный ремонт) – нужды эти настолько вопиющи и грозят такими тяжелыми в санитарно-эпидемическом отношении последствиями, что заслоняют все широкие и прекрасные перспективы города-сада и вызывают один громкий клич к центру – немедленную реальную помощь, финансовую и продовольственную, иначе оставшееся население обречено на вымирание» [22]. Врачи справедливо полагали, что центр весьма слабо проинформирован о разрухе в Ярославле. У медиков возникла даже мысль послать «ходоков» (выбрать подходящих экономистов и представителей Ме-

дико-санитарного отдела) в Центр, чтобы они там изложили нужды населения Ярославля.

«Ходоков» не послали: полагали, что Москва не окажет своевременную помощь. Врачи и представители различных организаций по восстановлению Ярославля на совещании вспоминали разные факты «наплевательского» отношения Центра к Ярославлю, утверждая, что в Москве не занимаются помощью городам. «В то время, как в Ярославле ощущается страшная нужда в стеклах, в Москве имелось 25 вагонов стекол, которые были двинуты без особенной необходимости, между тем Ярославль вынужден был заказать стекла на основе товарообмена в Нижнем Новгороде и до сих пор не в состоянии их выменять» [22]. Действительно, во многих домах так и не были устранены разрушения, оставшиеся после июльских событий. Холод, скученность людей обусловили новый всплеск простудных заболеваний зимой 1918-1919 гг.

Итак, 1918 г. в Ярославле был очень тяжелым для медицинских работников. Весна следующего, 1919 года должна была принести очередной всплеск тяжелых болезней – и мы увидели причину этого: возникли чудовищные проблемы с ассенизацией. Однако ярославские врачи продолжали самоотверженно, и во многом успешно, бороться с эпидемиями холеры, оспы тифа и других заболеваний. Помощь из центра была крайне слаба, и можно с уверенностью говорить, что успехи в борьбе с распространением заболеваний были достигнуты только благодаря профессионализму местных врачей и медицинских сотрудников.

Примечания

1. Слова М. Кедрова из Приказа советской ревизии 2 июня 1918 г. (ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 1).
2. ГАЯО. – Ф.Р.-3456. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 2.
3. Там же. Л. 4.
4. ГАЯО. – РФ-3456. – Оп. 1. – Д. 17.
5. ГАЯО. – РФ-3456. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 29.
6. Там же. – Л. 35.
7. Там же. – Л. 29об.
8. ГАЯО. – РФ-3456. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 2.
9. ГАЯО. – РФ-3456. – Оп. 1. – Д. 17.
10. ГАЯО. – Ф.Р.-3456. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 17.
11. Там же. – Л. 23.
12. Там же. – Л. 28.
13. Там же. – Л. 52.
14. ГАЯО. – Ф.Р.-3456. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 11.

15. Там же. – Л. 1.
16. Там же. – Л. 2.
17. Там же. – Л. 15.
18. Там же. – Л. 5.
19. ГАЯО. – Ф.Р.-3456. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2.
20. ГАЯО. – Ф.Р.-3456. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 11.
21. ГАЯО. – Ф.Р.-3456. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 5-6.
22. Там же. – Л. 10.

Г.В. Мурзо

«ПРАВО ОТВАЖИТЬСЯ НА ВСЕ»: ПИСЬМА К.Ф. НЕКРАСОВА К С.Л. ЩЕРБА

Письма к Софье Леонидовне Щерба, положенные в основу статьи, позволяют воссоздать хронику жизни Константина Федоровича Некрасова. Предметом исследовательского внимания является личность пишущего, воспринимаемая в контексте времени и сквозь призму общения с женой. Однако время не просто «фон» для героя, а целенаправленно создаваемая нами «фигура». Метонимия в этом случае есть прием для осмысления их взаимодействия.

G.V. Murzo

THE RIGHT TO HAVE COURAGE FOR EVERYTHING: K.F. NEKRASOV'S LETTERS TO S.L. SHCHERBA

S.L. Shcherba's letters, this article is based on, help to reconstruct K.F. Nekrasov's life chronicle. The subject of investigation is the writer's personality which is perceived in the context of time and in the light of communication with his wife. However, the time is not only a background for the character, it is a purposefully created figure. The metonymy in this case is a device for understanding their interactions.

Слова Гогена, взятые в качестве заголовка, помогают обозначить тенденцию, наметившуюся в жизни К.Ф. Некрасова: он, издатель и коммерсант, верный взятым на себя общественным обязанностям, не боялся порывов к новому, так свойственных и его веку, дела вершил увлеченно, а увлечения превращал в дело.

В 1913 году диапазон устремлений преуспевающего в делах Некрасова значительно расширился и существенно изменился по сравнению с уже рассмотренными 1910-1912 годами [1]. Однако именно в них нужно искать причины перемен.

Отношения с Софьей Леонидовной, внешне оставаясь стабильными, составляли периферию жизни Некрасова: именно их он приспособлял к другим меняющимся обстоятельствам, вынуждая женщину напоминать о себе, защищать свои интересы. Об этом говорит особое свойство письма, полученное Некрасовым еще в конце 1912 года.

В письме есть указание на то, что его предвзвешивают мучительные сомнения Софьи Леонидовны, которая решается покинуть Ярославль ради предложившего ей опеку другого мужчины. В сущности, не так уж и

важно, является ли он ее бывшим мужем и отцом ее ребенка: мужчину этого она не любит. В Ярославле, напротив, ее держат дружеские привязанности и любовь, но страшит собственное нездоровье, способное отразиться на воспитании дочери, материальном обустройстве жизни.

Такое примерное представление складывается о содержании послания на основе ответного письма Некрасова, огорченного и не желающего верить в неизбежность ее шага. Вот дословно его реакция, весьма характерная:

«Вы слишком мрачно смотрите на вещи и, в частности, на Ваше здоровье. ... Подумайте, что Вы делаете. С одной стороны, Вас ожидает жизнь, ... о которой Вы сами думаете с ужасом. С другой – Ваши искренние друзья говорят Вам: "Оставайтесь с нами, с тем, кого Вы любите и к кому привыкли; не бойтесь Вашего нездоровья; если Вы прихворнете, мы позаботимся о Вас, и эта забота не будет нам в тягость, ибо мы любим Вас". Откиньте Вашу гордость, она хороша только с врагами, с друзьями она оскорбительна. ... Вы будете и сильной, и здоровой, только ре-